

К. К. Логинов

Звон «естественный», утилитарный и ритуальный в традиционной крестьянской культуре Обонежья

Кампанолог и этнограф С. А. Старостенков еще 20 лет назад убеждал автора данной статьи написать небольшую заметку о крестьянских колоколах русских жителей Карелии. Тогда эмпирических материалов было недостаточно, а в настоящее время выполнить просьбу коллеги представляется не такой уж и сложной проблемой.

В заглавие статьи слово «звон» вынесено не случайно, поскольку речь пойдет преимущественно о тех пространственно-временных параметрах и континуумах звучания колоколов в крестьянской культуре, в которых обнаруживалась их мистическая и ритуальная сущность. В классификации музыкальных инструментов в общепринятой в мире системе Хорнбостеля — Закса крестьянские колокола, колокольчики, бубенцы и металлические била относят к типу 1.1 «Ударные идеофоны». Однако ударные идеофоны — это не всегда изделия рук человеческих. Они бывают и природного происхождения. Феноменально, но в Обонежье таковых было известно сразу два. Это так называемый «Звонкой камень» на острове Колгострове в Онежском озере (в Кондопожском районе республики Карелия) и ныне уже расколотый ломом «Звонкой камень» у бывшей деревни Вама

в Водлозерье (Пудожский район республики Карелия)¹. Тот и другой в дни местных часовенных праздников выступали в роли природных «ударных идеофонов». Звенящие звуки из них извлекались с помощью ударов по поверхности камней камнем или металлическим предметом. Действия эти в первой половине XX века носили развлекательный характер. Использовались ли они с иными целями, например, в древности, мы не знаем. Наш важный промежуточный вывод таков — «звон», звенящие звуки человеку могли быть известны задолго до создания первых искусственных ударных идеофонов, изготовленных человеком. Человек же — дитя природы, как и многие другие существа на планете Земля, обладал врожденной способностью реагировать на музыкально-акустические звуки².

Конечно, мегалитических размеров природные феномены, вроде «Звонких камней» Обонежья, не могли стать образцами для создания будущих крестьянских ударных идеофонов — металлического била, колокольчика, бубенца. Деревянные колокола, как представляется, тоже возникли не из подражания погремушкам. В Обонежье все деревянные коровьи колокола (*ботала*) во всех своих деталях воспроизводят металлический прототип. Общее качество этого класса идеофонов — однотонные вибрирующие звуки, воспринимаемые как звон. В качестве «звона» человеком воспринимается и такой феномен природного, биологического происхождения, как временами появляющийся вибрирующий звук в ушах, именуемый «звоном в ушах». Считается, что «звон» в ушах возникает неспроста. По такому случаю полагается загадать желание и, согласно общераспро-

¹ Мельников И. В. Святые места древней Карелии (палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск, 1998. С. 68–70; а также: Логинов К. К. Ландшафт и легенды о назначении и принадлежности природных и каменных объектов в Обонежье // Труды Карельского научного центра РАН. Серия Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2012. Вып. 4. С. 45.

² Феномен врожденной предрасположенности живых существ к прослушиванию «музыкально-акустических» звуков на планете Земля широко известен. Это щебетание птиц, брачные трели земноводных (жаб, лягушек), стрекот цикад. Последний в русском языке передается таким выражением, как «звон цикад». Врожденной предрасположенности к прослушиванию «музыкально-акустических» звуков не лишены и ближайшие родственники человека — обезьяны (см.: Сёке П. Происхождение музыки и три ее мира: физический, биологический и человеческий. Будапешт, 1982; а также: Дембовский Я. Психология обезьян. М., 1963. С. 111; Логинов К. К. Пространство народной музыки в современном мире // PAX SONORIS. 2014. Вып. 8. С. 32 и др.).

страненному у русских обычаю, тут же спрашивать у визави: «В котором ухе звенит?». Правильное угадывание якобы способствует исполнению желания. Суеверно-магическое истолкование данного обычая зиждется на христианских поверьях, что к человеку с рождения приставляется сразу два ангела. Добрый *ангел-хранитель* незримо пребывает за правым плечом, недобрый ангел (*аангел* или *антиангел*) — за левым. Поэтому и плевать надо, «чтобы не сглазить», — через левое плечо, на Нечистого ангела. Предназначением этих ангелов якобы является фиксирование добрых и недобрых поступков человека в течение всей его жизни. Считается, что когда накапливается критическая масса деяний того или иного рода, ангелы отправляют «устное сообщение» в поднебесные/подземные сферы, что субъективно человеком расценивается как раз в качестве «звона в ушах». Прекращение звона в ушах достигается произнесением фразы: «Знаю, знаю, о чем вы там шепчетесь!». Как видим, в логике простому русскому народу на примере данного суеверия не откажешь.

Существует немало болезненных состояний человека, в которых принято говорить о «звоне» в ушах больного. В заговорах Обонежья, например, «золотуху» иногда именуют «звонюхой»: «Заклинаю, заговариваю божье семя золотуху, звонюху из ушей, из мощей, из ясных очей. Аминь»³ и др.⁴ Подобные состояния естественны также для страдающих от отита, отосклероза, высокого давления и некоторых других заболеваний. Так что больные с подобными заболеваниями вступать в игру «Угадай, в котором ухе звенит» чаще всего не расположены. Но существенно и другое — субъективные представления о «звоне», по крайней мере, в ушах, возникли еще на заре очеловечивания.

Простейший ударный идеофон в крестьянском поселении — это металлическое *било* — профанная замена крестьянами в повседневном быту настоящих литых часовенных колоколов. Звук извлекался повторяющимися ударами по билу другими железными предметами, например, обухом топора. Основные утилитарные функции била такие же, как у часовенного

³ Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 47.

⁴ Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обычаи, обряды и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010. С. 62.

колокола — подавать сигнал общего сбора селян, поднимать тревогу в случае пожара, часами издавать звуки, если была надежда, что на эти звуки выйдет из лесу заблудившийся человек или домашнее животное. Звуками била отпугивали пробравшихся в деревню хищников: зимой — волков, а летом — медведей. Магическая функция отпугивания ярче всего обнаруживала себя в скотоводческих обрядах опахивания деревни от сибирской язвы («черной смерти»)⁵. Во время их исполнения в било стучали столь же неистово, как во время пожара. В Нюхчозере в 1929 году во время «опахивания» поселения не только яростно звонил колокол на колокольне, но и сразу несколько человек колотили в била в разных концах деревни⁶. Так что функционально и сакрально звон била в указанном примере уравнивался с сакральностью звона церковного колокола.

Распространено мнение, что низкочастотный звон церковных колоколов угнетает болезнетворных микробов. Если это правда, то и звон крестьянского била их угнетает ничуть не меньше. С другой стороны, если бы эффект низкочастотных звонов был ярко выраженным, то под сень колоколен массово стекались бы больные дизентерией и холерой. Что-то о подобных феноменах в народном целительстве автору ни разу слышать не приходилось. Похоже, что угнетающе на микрофлору в организме человека воздействует ну очень широкий спектр колебательных звуков, в том числе довольно неприятных для восприятия человеком. Например, звуков, что издают «поющие чаши» тибетцев. Среди знакомых целителей автора есть, по крайней мере, один (житель подмосковного Красногорска), который широко практикует во время индивидуального целительства молитвою «Отче наш» изменение тембра голоса, совершенно созвучного с тембрами семи «тибетских поющих чаш». Этот целитель утверждает, что

⁵ Крестьянское горе // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 85; также см.: Матросов А. Крестьянское поверье // Олонецкие губернские ведомости. 1909. № 64; Его же. Село Кузаранда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 19; Логинов К. К. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 41.

⁶ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее — НАКНЦ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 706. Л. 11–13.

прочитанная таким образом молитва «Отче наш» работает на исцеление больного намного эффективнее, чем прочитанная его обычным голосом.

Утилитарные функции крестьянских колоколов, которые надевали на шею домашних животных, сводились к тому, чтобы по звону/бряканью определять место нахождения этих животных, часто пасшихся в лесу сами по себе без надзора пастуха. Коровьи колокола были самодельными деревянными (*ботала*), либо из обмедненной жести (*воркуны*) с железным язычком местного кустарного производства⁷. Деревянное ботало имело кованый железный язычок (при утрате заменялся железным гвоздем). Литые конские поддужные колокольчики (*валдаи*) и бубенцы (*шаркунки*) крестьяне Обонежья обычно покупали на ярмарках. Впрочем, в Обонежье и Выгозерье имелись также собственные мелкие меднолитейные центры, в которых старообрядцы лили и поддужные, и более мелкие конские колокола-*прозвонки*⁸. Прозвонком же звали и самый малый медный колокольчик для овец⁹. Коней на выпас в лес отпускали только с «валдаями» и «прозвонками», коров — и с «боталами», и с «воркунами». Изредка и только одному вожаку — барану или овце — в Заонежье и Выгозерье на шею вешали «прозвонок» либо «шаркунок». Утрата колокола даже рядовой коровой была плохой приметой. Если же его теряла корова-вожак (для нее в деревне выбирался и отдавался на время выпаса самый звонкий в деревне коровий колокол), это рассматривалось крестьянами как предвестие крупной потравы диким зверем всего деревенского стада¹⁰.

Утилитарно-обрядовым следует считать использование звонкого конского колокола для исключительно жестокого умерщвления медведя, задравшего сразу или в течение короткого промежутка времени трех и более коров. Этот способ назывался «месть»¹¹. Чтобы его исполнить, созывался местный сход, на общие деньги закупалось ведро водки. Ведро с со-

⁷ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.) СПб., 1993. С. 32.

⁸ Логинов К. К. Материальная культура ... С. 31, 59.

⁹ Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл ... С. 81.

¹⁰ Логинов К. К. Трудовые обычаи ... С. 38.

¹¹ Логинов К. К. Материальная культура ... С. 54; Его же. Традиционные охота и орудия охотничьего промысла в Заонежье // Полевые исследования Института этнографии / отв. ред. С. И. Ванштейн. М., 1982. С. 50.

держимым закапывали рядом с тушами мертвых коров так, чтобы зверь не смог случайно его опрокинуть. Насытившийся медведь неизменно выпивал всю водку из ведра, после чего бесчувственно валился на землю. Тут к нему подходили следившие из-за укрытия охотники, но не убивали топором, не закалывали рогатиной, а вешали зверю на шею на крепком кожаном ремне звонкий конский колокол. Проснувшийся зверь не мог ни освободиться от колокола, ни перестать трясти головой. В результате через неделю или меньше медведь погибал в тяжких мучениях от изъязвления желудка и пищевода. Об использовании конского колокольчика в такой «мести» в свое время писал и классик в области российского охотоведения — А. А. Силантьев¹². Не часто, но эту же самую информацию автору настоящей статьи доводилось слышать от карел южной и средней Карелии, от русских Пудожья и Северного Прибелозерья.

Несбывшейся детской мечтой автора, имеющей отношение к теме статьи, было желание отловить какую-нибудь крысу в нашем деревянном (родительском) доме, навесить ей на шею колокольчик и выпустить после этого на свободу. Не получилось. Крохотный колокольчик, высотой в полтора сантиметра, и ремешок от детских игрушечных часов так и пролежали втуне в шкафу, ожидая звездного часа в пустом фарфоровом молочнике. Скажете — выдумка? Ничего подобного. Лично слышал перемещающийся звон за обоями в соседнем коммунальном двухэтажном щитовом доме в квартире «дедка Трошкова», к которому мы регулярно носили подшивать старые валенки. Регулярно опаивал вином и надевал на крыс колокольчики не «дедка Трошков», а его сосед этажом ниже — охотник Вася Диков. Соседи утверждали, что крыса с колокольчиком бежит «к своим», а те от нее удирают, избавляя на время людей от своего неизбывного и наглешего присутствия. Этим же способом избавлялись от крыс, по словам моего деда, и наши вытегорские купцы — владельцы мучных деревянных складов. Крыс в этих складах было невероятное количество. В 1957 году лично видел (дед нас специально разбудил на рассвете в летнюю пору), как по противоположной стороне улицы, вдоль деревянных мостков (тротуара), в сторо-

¹² Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898. С. 118.

ну Вянг-ручья двигалась длиннющая лента из крыс, возглавляемая самым крупным животным. Обратное, напившись, они бежали по три-пять штук, уже не соблюдая субординацию. В том же 1957 году мучной склад на нашей улице Крестьянской перестали использовать, и его стены пошли на отопление именно нашего дома... Впрочем, обрядностью и магией в данном способе не пахнет — чисто утилитарная ситуация использования миниатюрных (меньше, чем на рыбацких донках) колокольчиков.

Исключительно магические функции приобретал звон коровьих колокольчиков и овечьих «прозвонков» в традиционном скотоводческом обряде утром 5 мая (по новому стилю), накануне праздника Егория Весеннего¹³. В это утро матери будили детей младшего возраста, надевали им на шею все имевшиеся в хозяйстве колокольчики домашних животных и отправляли гурьбой оббежать вокруг дома трижды. Если собственных деток не было, о выполнении обряда, как об одолжении, просили многодетных соседей. Дети трижды оббегали вокруг дома верхом на сковороднике, позвякивая колоколами, а когда пробежали мимо окна в красном углу, хозяйка их в это окно спрашивала: «Дома ли коровушка? Дом ли овечушки? Здоровы ли?». На что дети отвечали утвердительно: «Дома, дома!», «Здоровы, здоровы!»! Потом дети с колоколами на шее бегали вокруг хлебов и конюшен своих и соседей, приглашая домашних животных «к зеленой травке, к теплому летушку». Под вечер, накормив детей, хозяйки шли с колоколами к реке, колодцу или лесному роднику и намывали в ней колокольчики. Этими же колоколами они наполняли полный подойник ключевой воды. У крестьян считалось, что при лечении животных ее свойства будут не меньшими, чем у освященной в церкви «святой воды»¹⁴. Воду в подойниках несли

¹³ *Логинов К. К.* Трудовые обычаи... С. 38; Его же. Этнолокальная группа... С. 73.

¹⁴ Для освящения «четверговой соли» (чина освящения соли в Великий четверг православная церковь не совершала, хотя в этом крестьяне испытывали настоятельную потребность) обонежские крестьяне в Великий четверг всего лишь окропляли обычную соль святой водой, взятой на церковной службе. Освящение же обычной воды без совершения над нею представителем церкви соответствующего чина достигалась множеством народных способов: крестообразным сливанием с иконы, обеденного стола и т. д. и т. п. Одним из весьма архаичных был как раз описанный здесь способ «освящения» воды с помощью звона домашних, «скотских» (!) колоколов, по сравнению с которыми звон церковных и часовенных колоколов выглядит исторически более поздним.

в свой дом, стараясь как можно меньше расплескать. Подойник и колокола ставили рядом на полки в кладовке. На шею животным намытые колокола привязывали в первый день реального выпаса (он на Севере редко совпадал с днем Егория Весеннего), после чего поили как бы «освященной» колоколами водой, хранившейся в подойнике. Часть воды из подойника могли запастись в бутылках, которые потом держали за иконами, чтобы использовать для лечения домашних животных¹⁵. Если такого запаса не делали, то воду для лечения домашних животных набирали из быстрых рек, черпая по направлению течения не ведрами, а опять же колокольчиками. Заговор при этом читался такой: «Хозяин водяной и хозяйка водяная, хозяин лесной и хозяйка лесная, хозяин земной и хозяйка земная, хозяин небесный и хозяйка небесная, позвольте взять воды не для хитрости, не для мудрости, а для лечения моей милой скотинушки, рабы божьей Зорюшки (называлась кличка заболевшего животного. — К. Л.)»¹⁶.

Сакральная, магическая функция звона ударных идеофонов четко обнаруживалась не только в хозяйственных, но и семейных обрядах традиционного жизненного цикла русских Обонежья. Причем — начиная с младенческого возраста. Так, если ребенок в полтора-два года не мог вымолвить ни слова, совершался магический обряд. Набирали в овечий колокол («прозвонник») воды с реки или озера, давали ребенку попить из колокола, после чего остатки воды выплескивали назад себя левой рукой, и звонили этим колоколом над теменем ребенка какое-то время. Обычай принимать лекарство из колокольчика или звонить над теменем младенцев для излечения недугов, связанных с речью, известен и у других славянских народов, вплоть до южных славян¹⁷. Детское баловство с ударными идеофонами у русских Обонежья не поощрялось, но и запретов суеверно-магического характера не было. У соседних же карел имелся запрет для детей на весь святочный период звонить в колокольчик. Боялись, что звон привлечет к несмышлени-

¹⁵ Водой, запасенной в канун Егория Весеннего, крестьяне пользовались точно так же, как святой водой из церкви или крещенской водой — намывали ею раны и опухоли животных.

¹⁶ Ягодкин Д. Весенние картинки Олонецкого края // Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 2.

¹⁷ Троицына М. Колокола и колокольчики — магические и целебные [Электронный ресурс]: URL: <http://www.myjane.ru/articles/text/?id=14117>

шам опасного для них святочного духа Сюдю¹⁸. Это же справедливо и для подросткового возраста: нельзя бить в било, звонить в часовенный и церковный колокол, а в игре, если оно предусмотрено, — пожалуйста. Например, в игре «олени и медведь»: после звонка «атамана» младшие дети («олени») начинали опасливо двигаться в сторону спрятавшегося за камень или кочку старшего ребенка («медведя»), припевая: «У медведя на бору грибы-ягоды беру». При этом «олени» пригибались к земле и пощипывали травку, имитируя слова песни¹⁹. А было бы у них достаточно колокольчиков, то, наверное, каждый бы еще и в свой колокольчик позванивал.

Большую роль ударные идеофоны играли в традиционном молодежном обществе русских Обонежья. Молодежи разрешалось в Пасху звонить, сколько душе угодно (если здорово получалось) в колокола на колокольнях местных часовен²⁰. Девушки звонили часто не просто так, а с заветной целью: «Чтобы слава моя, рабы божьей (имярек), разнеслась так далеко, как слышен колокол»²¹. В Благовещенье под колокольный звон девушки расчесывали волосы или же, когда колокол молчал, намывали его водой, приговаривая: «Как этот колокол далеко звенит, так моя слава далеко летит». Слитую с колоколов воду заготавливали в бутылочках впрок, чтобы, умываясь, повышать свою привлекательность в глазах парней в дни гуляний и праздников²². Девичью «славу» крестьянские девушки Обонежья активно повышали и во время прибытия чужих сватов в их родную деревню. С этой целью они скоблили ножами упряжную дугу выше крепления поддужного колокола. Соскобленную пыль и стружки перед беседами или игрищами смешивали с водой, и пили эту воду, чтобы повесить свою славу и привлекательность²³. В этой связи следует

¹⁸ *Огнева О. В., Конкка А. П.* Праздники и будни. Карельский народный календарь / 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск, 2013. С. 73–75.

¹⁹ НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 96.

²⁰ На Водолазерье, в деревнях Пильмасозеро и Колгостров, девушкам и парням также разрешалось звонить в колокола и на Иван-день.

²¹ *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл ... С. 191.

²² *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1915. Т. 2. С. 909; а также: *Логинов К. К.* Девичья обрядность русских Заонежья // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 68.

²³ *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл ... С. 191.

отметить, что магические предосторожности обонежских сватов тоже имели отношение к конским колоколам и их звону. В деревни искать и сватать невест добирались, подвязав язычок поддужного колокола. Либо снимали их с дуги и клали в карман, чтобы никто не догадался о цели поездки, не навел порчу и сглаз на сватовство и самих сватов. Сосватав же невесту, возвращались домой так, что трезвонили на всю округу²⁴.

Особая роль отводилась звонам в молодежных святочных гаданиях Обонежья «слуховым образом». Гадая на перекрестках дорог и росстанях, у прорубей и колодцев, на сарае, приезда сватов ожидали с той стороны, с которой примерещился звон колокольчиков свадебного поезда, а слушая у церковных и часовенных замочных скважин, желали себе услышать «Аллилуйя» и свадебные звоны, но никак не «Со святыми упокой» и похоронные звоны²⁵.

Ряженая молодежь в святки широко практиковала в качестве непригодных ударных идеофонов связанную с печью и ее сакраментальными защитными свойствами печную утварь²⁶. Это могли быть печные вьюшки и заслонки, металлические ложки, поварешки, дуршлаг, щипцы для углей, сковороды и сковородники. Данными предметами, а также ухватом могли отбивать такт для пляшущих в полнейшем молчании ряженых в домах селян, либо же они просто могли побрякивать, будучи навешанными скопом (кроме ухвата и сковородника на длинной ручке) на пояс кому-либо из ряженных персонажей. В Поморье ряженые во время подобных танцев могли также использовать и классические идеофоны — колокольчики или бубенчики, спрятанные в рукава или еще куда-нибудь под одежду²⁷.

²⁴ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 2001. С. 33.

²⁵ Логинов К. К. Девичья обрядность ... С. 74.

²⁶ Защитные (апотропеические) свойства, приписываемые в народе металлическому звону от ударов кочерги или сковородника в печные вьюшки или заслонки в потаенных хозяйственных обрядах были предпочтительнее звона в колокол. Сковородником, например, стучали в печную заслонку при обрядовом трехкратном обхода нового дома на восходе солнца в день новоселья. С теми же самыми «инструментами», но в голом виде и непременно в полночь, хозяйки добивались места избавления от клопов (НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 706; Д. 674).

²⁷ Логинов К. К. Музыкально-акустический компонент святочных традиций народов Карелии // РАХ SONORIS. 2014. Вып. 8. С. 58–62; см. также: Ковыришина Ю. И. Календарная традиция Карельского берега Белого моря // Комплексные гуманитарные исследования Белого моря. Петрозаводск, 2007. С. 125–150.

Особо можно отметить роль колокольного звона в архаическом обряде конских состязаний среди молодежи, призываемой в рекруты или на войну. Состязания эти в глухом Водлозерье сохранялись вплоть до Великой Отечественной войны. В гривы лошадей вплетались разноцветные ленты и банты, их привязывали также и к седлам, а под шеей лошади непременно крепился звонкий медный колокольчик. Победителей у околицы встречали девушки, пели им задравные песни, обнимали и целовали победителей, дарили им венки из цветов. Если во время гонки кто-нибудь не удерживался в седле и падал, считалось, что служба у него пойдет плохо, а живым с войны, может быть, он и не придет. Говорили: «Если кто упал с коня, то не солдат и был»²⁸. Применение колоколов в этом обряде не несет главной утилитарной функции, характерной для колесного и санного транспорта, предупреждать о своем приближении людей и другие повозки, скрытые за ближайшими поворотами, ибо все всадники неслись в одном направлении. Не была роль колоколов и чисто парадной²⁹, ибо обряд носил явный прогностический характер. Скорее всего, в данном случае скрытно проявлялась главная сакраментальная функция ударных идеофонов — оберегать человека от несчастий и разных «злых духов и колдунов».

Наибольшая концентрация использования ударных идеофонов в жизненном цикле русских крестьян Обонежья приходилось на период свадьбы.

Так, в церемонии официального подтверждения договоренности о заключении брака (в Обонежье эта часть свадьбы называлась «богомольем») звону поддужного колокольчика (в который звонил где родственник невесты, где жениха) отводилась важная роль — как только звучал звонок, девица из состояния обычной сельской девушки переводилась в состояние сосватанной невесты на выданье. В случаях, когда девушку замуж родители выдавали силком, сочувствующие ей сестры могли попытаться спрятать в доме все конские колокола и даже похитить тот, что привезли с собой на такой случай сваты, чтобы помешать свершиться неправед-

²⁸ *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл ... С. 202.

²⁹ Парадными были функции звона колокольчиков и бубенцов в упряжи в парных заездах купцов во время конских соревнований на старинных Шуньгских конных ярмарках (см.: *Логинов К. К.* Материальная культура ... С. 63).

ному делу³⁰. Но эта уловка, как и попытки несчастной девушки загасить свечу, которую затепливали перед началом богомолья (без горящей свечи во время произношения молитв и звона колокольчика по окончании обряда все обрядовое действие считалось, как бы сказали в городе, «юридически не значимым»), почти в ста процентах случаев оказывались обреченными на неудачу: колокольчик приносили от соседей, а свечу зажигали снова и снова³¹. После звонка в колокольчик начиналось первое, весьма примечательное причитание просватанной невесты:

По сегодняшнему денечку
 Как не в колокол ударили,
 Не к обедне затрезвонили,
 Мою волю обневолили.
 Подломились ножки резвые,
 Помутились очи ясные...³²

К венчанию в церковь жених и невеста могли попадать даже по отдельности (чаще все же в составе общего свадебного поезда, но в разных санях). У состоятельных крестьян лошади жениха и невесты были увешаны бубенцами и разукрашены цветными лентами и бантами. Венчание в церкви проходило под венчальный перезвон. Тем временем дружка жениха на дугу коренного коня повозки жениха навешивал второй конский колокольчик. Лучше всего, если точно такой же. Чтобы звонил в унисон, чтобы «князь молодой» и «княгиня молодая» потом всю жизнь прожили дружной парой, говорили и пели «с одного голоса». Так что от церкви молодые отъезжали вместе в одних санях. Радостно звонил колокол на церкви, звенели конские колокола, трезвонили бубенцы на сбруе³³.

³⁰ НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 965. Л. 11, 51.

³¹ Монахова А. С. Дивная Водла-земля. М., 2012. С. 55; см. также: НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 11, 31.

³² Кузнецова В. П. Свадебный обряд на Водлозере // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 274.

³³ Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл ... С. 238.

В первую брачную ночь здоровье новобрачных в старину оберегал колдун, который ходил вокруг дома или сеновала, где молодых укладывали спать, постукивая топором по печной вьюшке³⁴.

Похоронные звоны — это не совсем сфера «крестьянского» мира, скорее — церковного клира. Но и для крестьян звон по умершим в некоторых ситуациях становился весьма важным, сугубо личным делом. Такое случалось на Пасхальной неделе, если подняться на звонницу заставлял печальный повод. Приведу записанный в экспедиции пример: «Зазвоню в колокол, пусть покойная матушка слышит его за лесами, за озерами»³⁵. А на Вытегорском побережье Онежского озера звон колокольчика использовался в обрядовом «бужении умерших» при посещении могил скончавшихся родственников. Вероятнее всего, этот спорадически бытующий обычай в Вытегории появился в результате трансформации старинного обычая местной чуди (вепсов) «будить умерших» на кладбище стуком о гроб вкопанных в могилу носилок для переноски гроба в день захоронения. Так на Вытегорском «воинском кладбище» в 1980–1990-х годах у семьи Насонковых прямо на надгробии был подвешен на гвоздик небольшой колокольчик, а к язычку его шла капроновая нитка, за которую дергали, когда требовалось позвонить. Чтобы ветер не болтал колокольчик и не звякал попусту, родственники, уходя с кладбища, натягивали нитку и закрепляли ее на гвоздике снизу. Существует ли в настоящее время вышеописанное надгробие с колокольчиком, автору не известно. Несколько отличную информацию автор зафиксировал в экспедиции в пос. Андома в 1998 году. По словам информантов, колокольчик крепился гвоздиком к деревянному кресту, но звук из него извлекался ударом другого, более крупного («соткой») гвоздя³⁶. Звонить по приходу на кладбище полагалось трижды.

Как видим, звоны «естественные», утилитарные и ритуальные были весьма характерной чертой традиционной крестьянской культуры Обонежья.

³⁴ Певин П. П. Народная свадьба в Толвуйской волости Петрозаводского уезда // Живая старина. 1893. Вып. 3. С. 247–248.

³⁵ Там же. С. 389.

³⁶ Логинов К. К. «Вепский след» в традиционной культуре русских северо-запада Вытегорского района // Вытегра: Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 2. С. 137.